

Битву между двумя сторонами можно было бы назвать настоящей борьбой с жизнью, и, согласно расчету плотности, очевидно, что именно Дивизия Восьми Знамений пострадала больше и потеряла больше людей.

Восьмизнаменная дивизия, которая пострадала от сильного удара, не отступила, реорганизовав своих людей и лошадей для подготовки к следующему раунду удара.

Звук выстрелов доносился один за другим, и передняя часть пустотелой площади армии Тяньву была покрыта трупами, повсюду сгустками плоти и крови, показывающими тысячу странных и извилистых состояний.

Некоторые из них были убиты из огнестрельных пушек, другие были растоптаны до смерти их лошадьми, умирая в различных штатах.

Эти мертвые солдаты, половина и половина с обеих сторон, перед смертью пережили невероятную боль и борьбу.

Упрямство Восьмизнаменной дивизии превзошло ожидания армии Мин, а грохот окружающих железных копыт Железной кавалерии Восьмизнамений оказал огромное давление на солдат Тяньву.

Некоторые из менее закалённых в боях оружейников в панике пытались бежать за свою жизнь, и одного из них Ли Шаою поймал, как только он оторвался от массива, прямо вытащив свой меч и прорубив рукой переднюю часть строя.

Ли Шаою сказал яростным голосом: "Отступающие убивают на виду! Этого не потерпят!"

После непродолжительной паники армия Тяньву быстро восстановила порядок, и при объединенном развертывании Ли Шаою они начали перестраивать свое формирование с большой дисциплиной.

Восьмизнаменная дивизия бросилась убивать десятки раундов подряд, обе стороны понесли тяжелые потери, личный состав был резко сокращен, но они не смогли прорваться через пустотелое квадратное строение, состоящее из тысяч людей, и сражение зашло в тупик.

Рао Цзиль Харанг был так взволнован ситуацией, что проклял ее, но в хаосе она была бесполезна.

Издалека Джир Харанг посмотрел на трепещущий флаг дракона перед собой и не мог не вздохнуть: "Армия Тяньву настолько хорошо обучена и имеет настолько сильную боевую силу, что это редкость в мире, и это еще больше образец для всех армий, чтобы использовать войска в бою и не быть дезорганизованным перед лицом силы!".

Ожесточенные бои продолжались до конца дня, и дивизии Восьми Знамен всегда было трудно прорваться через эту непреодолимую пропасть.

В то же время, как ожесточенная битва между двумя сторонами, Мао Юань почти закончил сбор некоторых маршрутных войск.

До этого, когда он увидел разгром монгольских солдат, Мао Юань И уже решил, что битва в основном проиграна.

После стольких лет старых сражений, он все еще имел возможность сделать это военное

суждение.

Однако два генерала, Чжу Юнэн и Ли Шаою, работали безупречно до и после, и с сильным состоянием неповиновения, они жестко повернули битву вспять!

Теперь все, что ему нужно было сделать, это отдать приказ армии выйти, окружить и убить их, и Восемь Знамен непременно будут направлены!

Среди ревущего оружия и хаотического шума глаза Мао Юань И были наполнены настойчивостью, когда он шептал: "Убейте восточных пленников, сегодня! Оскорбительно!"

Он также приказал, чтобы артиллерийский массив, за исключением крупногабаритной красной артиллерии Yi, оставшейся позади, остальные большие франги, минометы и прочая артиллерия были вытолкнуты на линию фронта, чтобы нанести тяжелый удар Восьмым Знаменам!

Под личным руководством Мао Юань И войска Мин снова напали.

Тем не менее, Jierharan не дал ему шанс сделать это. Как только он увидел, что Li Shaoyou был слишком слаб, чтобы быть побежденным, и что войска Мин чудесным образом собрались в тылу, он приказал своим войскам выйти.

Джерхаран не мог понять, как побежденная армия все еще может так быстро собраться.

За эти годы он прочитал столько книг о военных, и никогда не находил такой ситуации!

Четырехногий дивизион "Восьми знамен" подошел и вихрел, глядя на Фей Янгуо, который пришел навестить упущенное.

Восьмизнаменная пехота во главе с Фей Янгуо долгое время следовала за Восьмизнаменной дивизией и была готова поднять головы, но внезапно была побеждена Ци Гуаньяном, у которого на пике Мудань были тысячи мужчин и лошадей, спустившихся с горы и ушедших на обратный путь.

В панике у Фей Янгуо не оставалось другого выбора, кроме как приказать развороту для атаки войск Мин на пик Мудань, но Ци Гуаньян не противостоял им и приказал отступить назад на пик Мудань.

Фэй Янге приказал вернуться на поле боя, а Ци Гуаньян повел несколько тысяч человек и лошадей, чтобы убить их.

Фей Янгуо был настолько зол, что чуть не взорвался на месте, а десятки тысяч восьмизнаменных пехотинцев были деморализованы и оказались в неловкой ситуации.

Теперь, когда дивизия Восьми Знамен отступила, Фей Янгуо мог приказать отступить только с тяжелым лицом.

На огромном поле боя Восемь Знамен, которые проводили контратаку, постепенно отступили, взвинтив город Пхеньян, не желая даже оборонительной линии.

Мао Юань И был рад, что главные силы татар, наконец, отступили, и битва считалась горькой победой для армии Мин.

Обе стороны понесли тяжелые потери, в результате чего почти 10 000 человек погибли и

получили ранения, а более 10 000 человек получили легкие и тяжелые ранения, в том числе 4000 военнослужащих Ли Шаою, которые были полубомбардированы, значительно сократили численность, и почти каждый из них потерял свой цвет.

Восьмизнаменная дивизия была не намного лучше, пустотелое строение было окружено их трупам, и им было трудно передвигаться.

Есть также Мин армии монгольских солдат и маньчжурских солдат, особенно монгольских солдат, начало нападения на линию обороны Цин армии большие потери, сама по себе также большие потери, плюс к восьми знаменами дивизии так что заряд, более мертвым, даже глава департамента Улатх Туоба были убиты в бою.

Среди приветствий армии Мин, Мао Юань И приказал своим войскам отступить на десять миль, не засыпая.

Рутин, которая только что закрылась, и армия была нестабильна, он не осмеливался рисковать продолжать осаду, опасаясь, что если Восьмизнаменная дивизия убьет снова, то это будет конец теленка.

Цзиль Харанг на вершине города также почувствовал облегчение, наблюдая за тем, как войска династии Мин вырываются из лагеря.

Тем не менее, он надеялся, что армия Мин будет продолжать атаковать город, и Восьмизнаменная дивизия попытается сделать последний вздох, чтобы совершить внезапное нападение, чтобы убить армию Мин и прогнать их обратно в Ляодун, или даже преследовать их до самого Чангуана.

К сожалению, Мао Юань И был слишком осторожен, оставив как гвоздь только войска Мин на пике Пиона, в то время как остальные войска отступили.

В недавно построенном лагере армии Мин генералы сели и оглянулись вокруг.

Он был в плохом состоянии, от его первоначальной двухфутовой бороды осталось всего три дюйма, и даже на его шее остались слабые шрамы.

Потери в этом сражении были настолько велики, что погибло более десятка генералов и офицеров выше начальника полка, а самым крупным чиновником был заместитель генерала Тутуба из Северных ворот.

Если бы не сильная битва Чжу Юньнана и Ли Шаою, чтобы замедлить бушующую Восьмизнаменную дивизию, армия Мин в этой битве потерпела бы крах, и мне интересно, сколько солдат было бы собрано кавалерией Восьмизнаменной дивизии!

Если Его Величество узнает об этом, он, безусловно, подвергнется суровому осуждению, и, возможно, даже Мао Юань И будет понижен в должности.

Мао Юань И слегка успокоил свое настроение, посмотрел вокруг на генералов, и говорил в несколько более мягком тоне, сказав: "Это сражение Ли Да Да защитник должен взять на себя инициативу, с четырьмя тысячами элитный пехотный батальон, против десяти тысяч кавалеристов, остро на юге блокады, чтобы выиграть время, чтобы моя армия, чтобы превратить поражение в победу".

"Заместитель митрополита-заступника Чжу Юнэн энергично сопротивлялся, и даже вел

тысячу кавалеристов навстречу врагу, кулаком верности и мужества за Родину, он - образец для наших трех армий, когда получает второй кредит!".

Чжу Юнэн подсознательно погладил свою несуществующую бороду, хе-хе и улыбнулся, цвет волнения перелился в его словах, он очень надеялся, что его любящий отец увидит этот рапорт о битве как можно скорее, и лично отдаст указ похвалить его.

Никто не мог видеть обиды в его сердце в данный момент.

Затем, лицо Мао Юань было торжественным, и его холодные глаза подметали в сторону угла, говоря: "У Рито!"

Лидер департамента Керчин и заместитель столицы провинции Северный Чжань У Рито вздрогнул, встал и, взмахнув кулаками, сказал: "Последний генерал в...".

Мао Юань И выпил: "У Рито, ты сбежал в последнюю минуту, в результате чего разгром линии фронта и почти поражение нашей армии, в чем твое преступление!".

У Рито был занят, говоря: "Военный маршал ошибся ах, последний генерал, чтобы обвинить до смерти, чтобы сопротивляться, воины Керчинского департамента потеряли более половины, но татарские люди и лошади многочисленны, последний генерал действительно не в состоянии сопротивляться ах!

Он продолжил: "Сначала отступило министерство Улата, и все в моем министерстве Керчифа сражались...".

"Хватит!"

Брови Мао Юань были заперты, этот Урито на самом деле бросил горшок на войну мертвой Тубе.

Несмотря на то, что керчины сражались до смерти, это всегда происходило из-за того, что они убегали с фронта, что приводило к массированному разгрому, заряд, который нельзя было смыть.

Та же армия Мин, также удерживающая фронт, почему 4000 солдат Тяньву несут на себе многочисленные удары Восьмизнаменной дивизии, предпочитая умереть, а не отступить? Честно говоря, Ульрике все еще боится смерти!

Мао Юань закричал: "Приезжайте, снимите У Рито, снимите с него форму, освободите его от военной власти и сопроводите в Нанкин, чтобы он был осужден Его Величеством и Министерством военной юстиции"!

Все тело Урито было сбито с толку, и он чувствовал только жужжание мозга.

В Нанкинге у него все еще был шанс жить?

В разгар высадки Урито был выбит канцелярией генерального судьи.

.....